
О ПУТЕШЕСТВИЯХ СВ. ЕВСТАФИЯ, ЭФИОПСКОГО
МОНАХА XIV в., В АРМЕНИЮ И АРХИЕПИСКОПА ОВАНЭСА
В ЭФИОПИЮ В 1679 г. В СВЕТЕ ЭФИОПСКО-АРМЯНСКИХ
ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СЕВИР ЧЕРНЕЦОВ (Санкт-Петербург)

На протяжении прошедшего тысячелетия немало армян побывало в Эфиопии, многие жила там подолгу, прекрасно знали язык, страну и народ, а некоторые оказывали весьма важные услуги эфиопскому христианскому царству. Деятельность последних не раз бывала предметом научных изысканий¹. Эфиопы бывали в Армении гораздо реже, хотя, как заметил Б. А. Тураев, «абиссины, встречаясь у Гроба Господня с единоверными армянами, узнавали от них о великом и славном армянском царстве в Киликии, об армянах на востоке, о святынях этих областей древнего христианства. Эфиопы не оставались в долгу и описывали свое царство с его пустынями и монастырями»². Однако из всех немногочисленных путешествий в Армению одно имело совершенно исключительное значение для будущего: это путешествие во второй четверти XIV в. эфиопского святого Евстафия, которое в Эфиопии помнят и поныне главным образом благодаря Житию преподобного Евстафия, изданного и переведенного на русский язык Б. А. Тураевым³.

Путешествие это было, собственно говоря, вынужденным и вызванным противоречиями, близкими к расколу, назревавшими внутри эфиопской церкви в первой трети XIV в. В результате широкого развития монашества и монастырской колонизации на юге и севере страны (в областях Шоа и Тигрэ) стали складываться две самостоятельные и практически независимые друг от друга монашеские конгрегации, построенные на разных принципах и усвоившие разные взгляды как организационного, так и вероисповедного характера. Впоследствии они получили свои названия по именам своих основателей — св. Такла Хайманота (на юге, с центром в Дабра-Либаносе) и св. Евстафия (на севере). Организационные различия заключались прежде всего в том, что на юге развивалось в основном землевладельческое монашество общежительного типа, а на севере трудами св. Евстафия и его учеников получило распространение келлиотское монашество, пропагандировавшее идеи нестяжания. Как писал Б. А. Тураев о Житии св. Евстафия,

1 R. P a n k h u r s t. The history of Ethiopian-Armenian relations. — *Revue des études arméniennes, nouvelles serie*. Т. XII, Paris, 1977, p. 294-330; E. v a n D o n z e l. Foreign relations of Ethiopia, 1642-1700: documents relating to the journeys of Khodja Murad. Istanbul, 1979.

2 Б. А. Т у р а е в. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. с. 171.

3 *Vita et miracula Eustathii. Monumenta aethiopiae hagiologica*. Edidit Boris Turaiev. Fasculus III, Petropoli, 1905. Полный перевод на русский язык см. Б. А. Т у р а е в. Указ. соч., с. 295-373.

«антагонизм двух главных уставов абиссинского монашества и борьба двух направлений эфиопской христологии и богословия вообще отразились в нашем житии в гораздо большей степени, чем в других произведениях этого рода, и делает с этой стороны данный памятник особенно интересным. Прежде всего обращает на себя внимание заповедь Евстафия своим ученикам не пользоваться подаванием, а жить трудами рук своих, его постоянная забота платить за пропитание и услуги и не принимать никаких подарков ни от кого, будь то царь или армянский патриарх... Общинам, покровительствуемым от царей и вельмож, получавшим от них богатые поземельные наделы и денежные вклады..., здесь противопоставляются трудовые братства, посвящающие только третью часть своего времени «покаянию, посту, молитве, оставлению грехов, жизни душ и спасению», а целых две трети года употребляющие на «труды рук своих, от которых они существуют». Не найдем мы в Житии Евстафия перечислений жалованных угодий, но не найдем зато и уверений в том, что у монахов все было общее, и тех примеров самоограничения и самоотречения в пользу ближнего, которые так любят приводить жития подвижников добра-либаносского устава»⁴.

То, что организационные различия сопровождалось различиями идейными и спорами вероисповедными только естественно, и Житие Евстафия приводит суровые инвективы святого против соперников, сказанные им своему ученику Абсади при расставании: «... придут после меня волки хищные, отступники от веры, епископы, которые будут изменять закон и заповеди отцов наших апостолов, которые определили и установили веру православную. И эти епископы, еретики и служители идолов и несториане, которые изменяют веру и будут четверить Св. Троицу и перекрещивать вторично... Будь тверд и не бойся, ибо ты победишь николаитов...»⁵. В условиях подобного организационного и вероисповедного разброда единственным связующим и объединяющим элементом эфиопской церкви был митрополит, назначаемый в соответствии с подложным постановлением Никейского собора только александрийским патриархом и только из числа коптов, монахов Антониева монастыря. Однако Эфиопия нередко оказывалась в длительной изоляции от остального христианского мира, в том числе и от александрийского патриархата, с которым эфиопская церковь также стала расходиться в обрядовом и даже вероисповедном отношениях. Митрополичья кафедра в Эфиопии вдовствовала часто и подолгу, но даже и присутствие митрополита-копта мало помогало делу: лишенный постоянной связи со своим к тому же политически бессильным патриархатом, митрополит Эфиопии мог пользоваться влиянием в стране лишь в той мере, в какой им обладала сама эфиопская церковь. Когда же и последняя бывала раздираема внутренними противоречиями, то в среде недовольной и преследуемой ее части неизбежно возникала идея альтернативы александрийскому патриархату, и взоры многих обращались к Армении.

Таковы были условия, в которых оказался на рубеже первой трети XIV в. Евстафий, и его Житие сообщает о том, как притесняли его «дурные монахи и священники», покушавшиеся даже на его жизнь⁶. Ему оставалось только искать

4 Б. А. Тураев. Указ соч., с. 161-162.

5 Там же, с. 325.

6 Там же, с. 316-317.

какой-то внешней поддержки своим взглядам. Евстафий объявил ученикам, что уходит в паломничество в Иерусалим, однако по дороге надолго остановился в Александрии, где встретился с патриархом Вениамином. И хотя в Житии Евстафия эта встреча изображена как самая благожелательная, судя по всему, поддержки своим взглядам Евстафий у патриарха александрийского не нашел, зато узнал, «что есть патриарх в Армении, которого изгнали за имя Христово и что этот патриарх прибыл в град Александрию. И когда услышал это отец наш Евстафий, встал, чтобы идти к нему, чтобы узнать его и увидеть деяния его»⁷. Затем уже в Ските «явилась ему Владычица наша Мария и беседовала с ним, говоря: “Эту скитскую пустыню я отдала Марку и Иоанну Кама, ты же, возлюбленный мой и возлюбленный Сына моего, ступай в страну Армению к церкви, воздвигнутой во имя мое”»⁸. Евстафий повиновался, но Иерусалима, разумеется, не миновал. Однако и там главной цели своего путешествия он не достиг и авторитетной поддержки своим взглядам не нашел, и потому через Кипр отправился в Армению.

Как писал Б. А. Тураев, «“Армения” нашего Жития — конечно Киликийская, так называемый Сиссуан, царство Рупинов и патриархат Сисских католикосов. Последние были, правда, в унии с Римом, но армянский латидунаризм и связи с Великой Арменией обуславливали то, что сношения с монофиситской Абиссинией и Египтом, главным образом через Иерусалим, все-таки поддерживались хотя бы со стороны мирян»⁹. Та часть Жития, которая повествует о пребывании Евстафия в Армении, в историческом отношении малосодержательна и в характерном для этого жанра стиле изобилует рассказами о чудесах святого, вплоть до воскрешения мертвых, и рассказами о многочисленных знаках уважения к нему со стороны армянского патриарха. Видно, однако, что цели своей Евстафий не достиг и в Армении. Он умер там в 1353 г., «и погребли его у гроба мученика Мар-Мехнама в церкви армянской»¹⁰, в месте, которое до сих пор не выяснено. Б. А. Тураев писал: «Где были мощи персидского мученика Мар-Бехнамы, или в эфиопской транскрипции Мар-Мехнама, мне неизвестно, но едва ли они находились в Киликии. Если они были в Месопотамии или в Великой Армении, то сказанное может быть объяснено смешением сведений, усвоенных по слухам. (По остроумному замечанию Я. И. Смирнова, двенадцатое чудо Евстафия, повествующее об окаменелых людях у гробницы Мар-Бехнамы и Евстафия, можно объяснить какими-либо изваяниями или барельефами, находящимися у церкви, которую эфиопские странники считали усыпальницей своего преподобного. Во всяком случае это сказанное дает еще один плюс в пользу того, что данные Жития о хождениях не являются результатом простого вымысла, а покоятся на каком-то фактическом, пока неизвестном нам основании)»¹¹. Ученики Евстафия возвратились в Эфиопию, и дальнейшее развитие так называемого «евстафианства», выросшего не только в крупную конгрегацию, но и мощное и весьма специфическое богословское направле-

7 Там же, с. 333.

8 Там же, с. 335.

9 Там же, с. 171.

10 Там же, с. 350.

11 Там же, с. 172.

ние, было связано в стране уже с деятельностью евстафиан и их последователей¹². Тем не менее евстафиане всегда помнили своего учителя, помнили и страну, где тот нашел свой последний приют.

Авторитет Армении в Эфиопии парадоксальным образом держался высоко именно потому, что ни Евстафию, ни его последователям не удалось наладить постоянных и крепких связей между двумя церквями. Армянская церковь всегда оставалась в сознании евстафиан в качестве возможной альтернативы церкви александрийской благодаря памяти о своем учителе, но главным образом — благодаря малому знакомству с нею. Ведь единоверие эфиопов и армян всегда было относительным; единство богословских взглядов не подвергалось сомнению просто потому, что сами эти взгляды не подвергались взаимному изучению и тщательному сравнению. В противном случае результат мог быть иным. Даже гораздо более близкий в вероисповедном отношении александрийский патриархат нередко бывал объектом суровой критики диссидентов, когда внутри эфиопской церкви множились разногласия, вылившиеся в XVII-XVIII вв. в форменный раскол. В этих условиях даже полное приятие учения армянской церкви одной из противоборствующих групп вызвало бы столь же полное неприятие его соперниками. Сама же армянская церковь, в отличие от церкви римской, благоразумно держалась в стороне от эфиопских дел и сохранила свой высокий авторитет в Эфиопии.

Посещение архиепископом Ованэсом Эфиопии в 1679 г. явилось своего рода исключением из правила. Хотя армяне-миряне бывали в стране часто, духовное лицо было здесь очень редким гостем. Характерно, что сами эфиопы тут же связали это событие с именем своего любимого Евстафия: «В эту зиму пришел архиерей из Армении, по имени Иоанн, и вошел в стан, неся в руке кость руки — анфракс многоценный и дорогостоящий — учителя мира, прекрасного именем, отца нашего Евстафия и хартию послания патриарха александрийского»¹³. Согласно эфиопской хронике, все посещение Ованэсом Эфиопии сводится к тому, что он вернул на родину частицу мощей св. Естафия. К этому мы имеем также описание того же путешествия, сделанное самим Ованэсом, которое известно в двух редакциях. Первая, по рукописи из Эчмиадзина, была опубликована в 1914 г. епископом Карапетом с русским переводом Н.Я.Марра¹⁴. В 1975 г. французский востоковед Мариус Канар (1888-1982) с помощью Х. Берберяна подготовил французский перевод этой редакции, который был опубликован в 1983 г.¹⁵ Вторая редакция записок Ованэса была найдена Аршаком Алпояджаном в Ливане и опубликована в Каире в 1946 г. Ее английский перевод был сделан Геворком Памбукджаном и опубликован голландским ученым Эмери ван Донзелем в приложении в

12 T a m r a t T a d d e s e. Church and state in Ethiopia. 1270-1527. Oxford, 1972, pp. 197-198, 206-214.

13 Эфиопские хроники XVII-XVIII веков. Введение и заключение, перевод с эфиопского и комментарии С.Б.Чернецова. М., 1989, с. 33.

14 Путешествие архиепископа Хованэса в Абиссинию. Армянский текст, открытый и подготовленный для издания еп. Карапетом, с русским переводом Н.Я.Марра и с примечаниями Б.А.Тураева. — Христианский Восток. Т. III, Вып. I, Пг., 1914, с. 6-16.

15 M. C a n a r d. Le voyage de l'archevêque Novannis en Abyssinie. — Guirlande pour Abba Jerome, ed. J. Tubiana. Paris, 1983, p. 179-194.

его книге, изданной в Стамбуле в 1979 г.¹⁶ В 1990 г. путешествию Ованэса посвятил специальную статью итальянский ученый Сальваторе Тедески¹⁷.

Надо сказать, что и личность архиепископа Ованэса и цели его поездки в Эфиопию довольно интересны и даже несколько таинственны. Н. Я. Марр писал о нем: «Автор не принадлежит к национальной армянской церкви судя по тому, что даже вероисповедание, по его же словам происходящее от армян, он называет ересью. Его возвращение в пределы Тосканского великого герцогства точно домой, равно появление в тексте итальянских терминов и сравнение с Пизанской башней, если верна наша поправка, свидетельствуют о принадлежности путешественника к армянской католической или униатской церкви. Как близко стоящий к католическому церковному миру, он отмечает, что в Абиссинии священники женятся. Громкий титул архиепископа Шамирамакерта указывает на то, что он не проживал в Армении, где в его время (начало XVIII в.) действительность не знала столь архаично именуемой епископской кафедры. Сравнение абиссинского столичного города со Стамбулом указывает, что автор бывал в Константинополе. Архаично соединение с саном архиепископа звания вардапета, понимаемого в прежнем значении ученого монаха вне иерархии, но это древнее значение вардапета держалось долго. О связи с живой Арменией позднейшей поры говорят восточные неармянские слова, и так как среди них не только турецкие и персидские, то вероятно, что архиепископ Ованэс, живший в Италии, происходил из южной области Армении. Язык — с примесью именно форм южно-армянских наречий»¹⁸.

Сальваторе Тедески, писавший через 75 лет после Н.Я.Марра и располагавший большим количеством источников, считает, что Ованэс, имевший турецкое прозвище Тютюнчю («табачник»)¹⁹, был постриженником Вазпураканского монастыря и в 1650 г. при католикосе Филиппе (1633-1655) был приглашен в Стамбул, где вел сложные дела с турецкими властями, вымогавшими деньги у армянского духовенства. В результате сложных махинаций в 1663 г. ему удалось занять кафедру армянского патриарха в Стамбуле, сместив прежнего патриарха Лазаря, но в следующем году он сам был смещен, и в 1665 г. восстановлен до своего окончательного смещения в 1667 г. После этого он, по предположению С. Тедески, отправился в Иерусалим, где познакомился с эфиопскими святогробцами и узнал от них про св. Евстафия, которого эфиопское предание неизменно связывало с Арменией. В 1679 г. он совершил свое путешествие в Эфиопию, а затем отправился в Италию и далее во Францию, где в 1683 г. в Версале удостоился аудиенции Людовика XIV. Далее следы Ованэса теряются и обнаруживаются лишь в 1698 г. в Трапезунде, где он умер в 1703 г.²⁰

Сама цель путешествия архиепископа Ованэса в Эфиопию остается вполне загадочной, равно как и история с частицей мощей св. Евстафия. Эфиопы несколько не сомневались в том, что армянский гость, действительно, привез «анфракс многоценный и дорогостоящий», но сам Ованэс в своих записках ни словом

16 E. v a n D o n z e l. Указ соч., примеч. III, с. 179-194.

17 S. T e d e s c h i. Un prelado armeno nell'Etiopia dei Seicento. — Africa, anno XLV, № 1, Roma, 1990, p. 1-21.

18 Путешествие архиепископа Хованэса в Абиссинию..., с. 7.

19 E. v a n D o n z e l. Указ соч., с. 179.

20 S. T e d e s c h i. Указ соч., с. 11-13.

не обмолвился о столь важной услуге, оказанной им эфиопским христианам. В Эфиопии на прямо поставленный вопрос главы эфиопского придворного духовенства Константина: «Одно естество у Христа или два?», Ованэс столь же прямо ответил: «Одно естество у Христа, как гласят Афанасий, Кирилл и Диоскор и их присные, люди Армении и Сирии, люди Египта и Эфиопии»²¹.

Впрочем, все обошлось благополучно. Миссия Ованэса (если у него вообще была какая-то миссия) кончилась ничем. После изгнания иезуитов из страны в 1632 г. в Эфиопии царила такая ксенофобия, что нужно было быть единоверным армянином, привезти драгоценную реликвию и иметь верительные грамоты от патриарха александрийского, чтобы вообще попасть в страну, не говоря уже о том, чтобы вернуться назад. Недаром в своем послании патриарх александрийский просил отослать Ованэса с миром. В это время эфиопскую церковь сотрясала ожесточенная борьба двух богословских партий, разошедшихся на почве христологии — сторонников «соединения» и «помазания»²². Высшие церковные иерархи Эфиопии признали Ованэса единоверцем, но затем соперничавшие богословские группировки замучили его расспросами, желая, чтобы он непременно подтвердил справедливость именно их воззрений. Как писал сам Ованэс, «в страну никто из чужого народа не проникает, а кто проникает, не может уйти. Но мы милостью Христа и с помощью царя проникли в страну и вышли, пробыв там 4 месяца. После 4 месяцев мы попросили разрешения уйти: мы не могли оставаться, так как священники досаждали нам расспросами о законах и вере»²³. Даже такая, казалось бы, безусловная радость для эфиопов, как обретение ими частицы мощей св. Евстафия, не помешала разразиться скандалу, потому что это усиливало влияние евстафиан, которым благоволил эфиопский царь, и, соответственно, умаляло влияние их соперников из конгрегации св. Такла Хайманота с их новым центром в Азазо («новым Дабра Либаносом»): «Из-за этого усилилась распря и ненависть между монахами Азазо и царем..., так что весьма распалилась вражда и не гасла долгое время»²⁴.

Таким образом, путешествие Ованэса никак не отразилось на эфиопско-армянских связях. В глазах эфиопов армянская церковь по-прежнему оставалась церковью единоверной, возможной альтернативой александрийскому патриархату. Такое положение сохранялось долгие годы, наиболее ярко проявляясь в периоды усиления раскола. Так, на юге, в области Шоа, после смерти митрополита Кирилла в 1824 г. один армянский священнослужитель был признан митрополитом и исполнял эти обязанности до самой своей смерти в 1838 г.²⁵ Да и север не отставал от юга: тогда же тамошний властитель Сабагадис просил у армянского патриарха прислать ему митрополита²⁶. Конец этим несколько двусмысленным отношениям был положен достижением эфиопской церковью автокефальности, когда 14

21 Эфиопские хроники XVII-XVIII веков, с. 34.

22 Подробнее об этом см.: В. В. Б о л о т о в. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. II. Богословские споры. — Христианское чтение, 1888, с. 786-794.

23 Путешествие архиепископа Хованэса в Абиссинию..., с. 14.

24 Эфиопские хроники XVII-XVIII веков, с. 34.

25 M. A b i r. Ethiopia: The era of princes. London, 1968, p. 157.

26 D. C r u m m e y. Priests and politicians. Protestant and Catholic missions in Orthodox Ethiopia, 1830-1868. Oxford, 1972, p. 26.

января 1951 г. митрополитом стал эфиоп, по имени Басилейос (1883-1970), а 29 июня 1959 г. он был избран патриархом Эфиопии. Таким образом, альтернатива Александрийскому патриархату была найдена окончательно. Тем не менее интереснейшая история эфиопско-армянских церковных отношений, уходящая корнями в глубокую древность, все еще ждет своих исследователей. И здесь крайне важно взглянуть на нее не только с эфиопской стороны.

XIV ԴԱՐԻ ԵԹՈՎՊԱՑԻ ՀՈԳԵՎՈՐԱԿԱՆ ՍՈՒՐԲ ԵՎ ՍՏԱԹԻՈՍԻ ՀԱՅԱՍՏԱՆ
ԵՎ ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԱՐՔԵՊԻՍԿՈՊՈՍԻ 1679 Թ. ԵԹՈՎՊԻԱ ԿԱՏԱՐԱԾ
ՃԱՆԱՊԱՐՀՈՐԴՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՀԱՅ-ԵԹՈՎՊԱԿԱՆ ԵԿԵՂԵՑԱԿԱՆ
ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԼՈՒՅՍԻ ՆԵՐՔՈ

ՍԵՎԻՐ ՉԵՐՆԵՑՈՎ (Սանկտ-Պետերբուրգ)

Ա մ փ ո փ ու մ

Նորահայտ փաստերի և եթովպական եկեղեցու սուրբ եվստաթիոսի վարքի հիման վրա հոգևածում վեր է հանվում եթովպական եկեղեցուն XIV դ. դոյուլթյուն ունեցած երկու իմբավորումների պայքարը, և այդ պայքարում այլ եկեղեցիների օժանդակությունը դիմելու նրանց քայլերը: Նման ձեռնարկում էր XIV դ. եվստաթիոսի կողմից Հայաստան գալու փաստը: Ենթադրվում է, որ եվստաթիոսը Կիսրոսից ժամանել է Կիլիկյան Հայաստան: 1353 թ. նա մահացել և թաղվել է Հայոց եկեղեցուն: Եվստաթիոսի աշակերտները վերադարձել են եթովպիա և այնտեղ հիմնադրել աստվածաբանական նոր ուղղություն: Հայոց եկեղեցու հեղինակությունը եթովպիայում եղել է միշտ բարձր, այն դիտվում էր որպես այլընտրական դաշնակից Ալեքսանդրիայի աթոռին: 1679 թ. եթովպիա ժամանած արքեպիսկոպոս Հովհաննես Թութունջին, պարզվում է, իր հետ եթովպիա էր տարել նաև սուրբ եվստաթիոսի մասունքները, որի մասին հիշատակություն է պահպանվել եթովպական ժամանակագրությունների մեջ: Հովհաննես Թութունջու առաքելության նպատակները անհայտ են, և չկան փաստեր այն հաջողությամբ ավարտված համարելու համար: Այդ ճանապարհորդությունը թեև անարդյունք, սակայն բացասական չի անդրադարձել Հայ-եթովպական կապերի վրա, Հայոց եկեղեցին շարունակել է եթովպացիների կողմից դիտվել որպես դաշնակից եկեղեցի: Ավելին, 1824-1838 թթ. Շոա նահանգում արքեպիսկոպոսի աթոռին եղել է Հայազգի հոգևորական: Եթովպական եկեղեցու այդ կարգավիճակը պահպանվել է մինչև 1951 թ. հունվարի 14-ը, երբ Հայտարարվեց եթովպական եկեղեցու ինքնադիսուլթյան մասին, և արքեպիսկոպոսի աթոռին նստեց ազգուլթյամբ եթովպացի Բասիլեյոսը (1883-1970), որը և 1959-ին ընտրվեց եթովպիայի պատրիարք:

ON THE TRIPS OF THE 14th CENTURY ETHIOPIAN MONK
ST. EUSTATIUS TO ARMENIA AND ARCHBISHOP HOVHANNES
TO ETHIOPIA IN 1679 IN THE LIGHT OF ARMENIAN-ETHIOPIAN
ECCLESIASTICAL RELATIONS

SEVIR CHERNETSOV (St. Petersburg)

S u m m a r y

On the basis of newly-found facts and holy life of St. Eustatius of the Ethiopian church the author reveals the struggle of two groups existing in the Ethiopian church in the 14th century and their steps of assistance with other churches in that struggle. Such an undertaking was the fact of Eustatius's visit to Armenia in the 14th century. It is supposed that Eustatius came to Cilician Armenia from Cyprus. In 1353 he died and was buried in an Armenian church. Eustatius's students returned to Ethiopia and established a new theological direction there. Armenian church has always had a high reputation in Ethiopia. In 1679 archbishop Hovhannes Tutunj arrived in Ethiopia. As it turned out he took St. Eustatius's relics to Ethiopia. A mentioning is kept in Ethiopian chronologies about it. Purposes of Hovhannes Tutunj's mission are unknown, and it can't be considered well ended. Though unsuccessful this trip hasn't had a negative influence on Armenian-Ethiopian relations. Armenian church has continued to be an allied church for the Ethiopians. And what is more, in 1824–38 in Shoa province an Armenian monk was on the throne. This status of the Ethiopian church has continued up to January 14, 1951 when the wilfulness of the Ethiopian church was announced. Basileus (1883–1970), Ethiopian by nationality came to the archbishop throne and was elected Ethiopian patriarch in 1959.